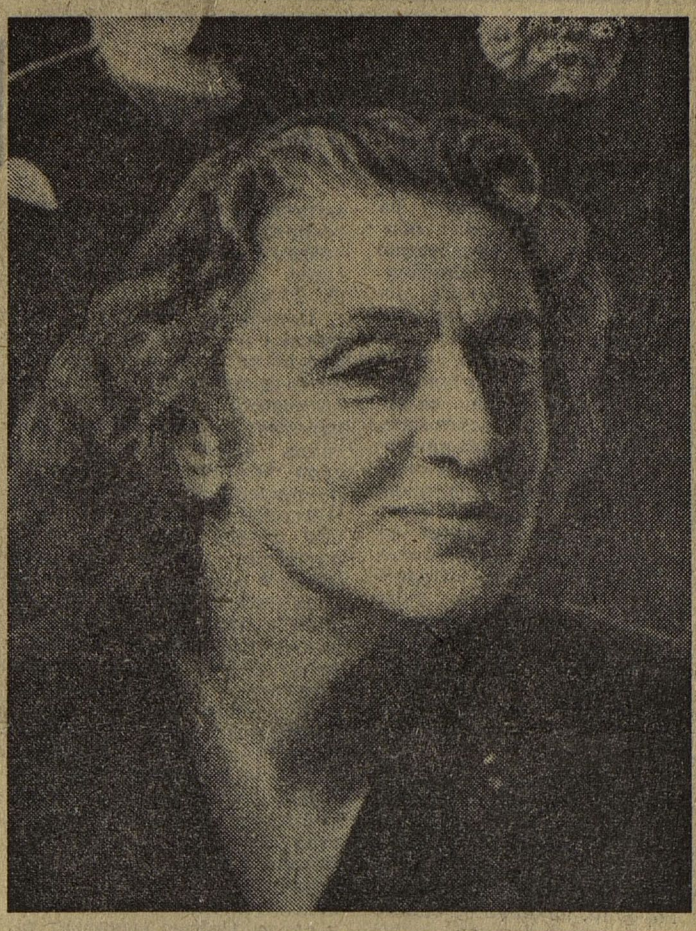
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

8 марта 1973 г. № 20 (4612)

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!



люди искусства

ВЕРИКО

ВЕРИКО... В Грузии немало женщин с этим именем. Но скажите в Тбилиси: Верико — все сразу поймут, о ком идет речь. И на лицах появится улыбка, как отсвет той радости, что много лет несет своим зрителям народная артистка СССР Верико Анджапаридзе. Раз «много лет», значит, она уже не молода?.. Ничего подобного! Недавно я видел ее в комедии А. Корнейчука «Память сердца», в ее притягательном взоре столько неподдельной молодости, остроты ума, неувядаемой красы...

Все в актере может быть загримировано, изменено — и лицо, и руки, и фигура. Только глаза — линзы души — не сделаешь нарочно ни красивыми, ни умными, ни значительными.

«Меня ведь обмануть нельзя,— говорит Анджапаридзе Вл. И. Немирович-Данченко, посмотрев ее Маргариту Готье в «Даме с камелиями» А. Дюма,— я все время видел Ваши глаза... В глазах Ваших лежало Ваше сердце...»

Но глаза живут, когда есть что-то за душой, когда есть талант и мастерство. Анджапаридзе многое отпустила природа. Но многое она приобрела и сама, недюжинным умом своим проникая в тайны искусства, впитывая все ценное, что давали ей учителя: в школе Малого театра — С. Айдаров, Е. Турчанинова, И. Худолеев, в Грузии — Котэ Марджанишвили, в Московском реалистическом театре — Николай Охлопков.

Смолоду она развила в себе редкую способность вдаваться в частности образа, не теряя из виду главного — его «общей идеи», сливая детали, всегда тонкие, изящные, психологически точные, в целостный, непрерывный и притом музыкальный поток действия. Проверенная самой жизнью, эта органика целого и частного придает каждой роли Верико пластическое и ритмическое своеобразие, неподдельную художественную грацию. Вл. И. Немирович-Данченко сравнивал игру рук и интонаций Анджапаридзе с плетением итальянских кружев — искусством грациозным и вместе очень трудным.

Только в глубинах житейского моря и в заоблачных высях поэзии можно было отыскать такие могучие трагические образы, как ее Медея и Клеопатра, Юдифь и Зейнаб, Отарова вдова и чапековская Мать.

Ослепительны были — я помню! — ее юные героини, всегда прекрасные, гордые и непокорные, но способные раствориться в любви. Игранные одна за другой, не лишенные подчас той драматургической «голубизны», что непреодолима даже для хорошей актрисы, они оживали в искусстве Верико, становились не только прекрасными, но и разными, несхожими одна с другой.

Молодой зритель, упиваясь игрой Верико, втянутый ею в волшебный мир сцены, учился у нее великому искусству чистой и самоотверженной любви, в которой страсть не затемняет рассудка, а обогащает жизнь и твою, и других...

Ее героини выражали любовь по-разному.

При встрече с юным плебеем Бахутой лицо княжны Мзевинар («Георгий Саакадзе») каменело, слова застывали в надменности, жест сковывался величием. Но заледеневший взор постепенно оттаивал глаза наполнялись влагой, равнодушие сменялось любопытством, чтобы уступить место удивлению, затем заинтересованности, смущению и, наконец, радости, счастью. Будто весеннее половодье заполняло до краев это юное существо в предчувствии любви.

Любовь Ано к поэту Бесики («Царь Ираклий») говорила не только о влечении сердца, но и о полете мысли, о вдохновении души. Ано любила и разумом, и чувством сразу. Преклоняясь перед талантом, она ожидала поклонения красоте, она дарила ласку, не требуя песни, но предчувствуя ее рождение. Ано была столь же талантлива в любви, сколь ее возлюбленный в поэзии.

В чувстве Мзетвалы к царю Давиду («Давид Строитель») преобладала страсть, усиленная ревностью к счастливой сопернице. Она не желала делить возлюбленного ни с его женой, ни с его политикой. Это была стихия любви, но при всей ее пламенности — удивительно чистая, целомудренная в той гармонии, что может быть выражена в словах: покоряя, покоряюсь...

Однако не здесь — в сфере лирической, не в комедии (Анджапаридзе блистательно сыграла гольдониевскую Мирандолину и Графиню из «Женитьбы Фигаро»), а в трагедии, в возвышенно трагическом с особой силой сказалось громадное дарование Верико. Но и тут оно выразилось прежде всего через великое чувство любви: любовь как страсть, овладевающая ее героинями, ведущая их на подвиг, на жизнь и на смерть, и как идеал самой актрисы — любовь к человеку, к человечеству, к родной земле, к искусству.

Героини Анджапаридзе потому и озарены любовью, что она сама в высокой степени гуманна и оптимистична, полна веры в жизнь и людей. Готовя роль Джульетты, она говорила: «Я хочу, чтобы повесть, которой «нет печальнее на свете», в нашем спектакле была торжеством любви и жизни». Безнадежно больная, обездоленная в любви, ее Маргарита Готье до последнего вздоха была исполнена неувядающей жажды жизни, красоты любовного порыва. Актриса поднимала мелодраму Дюма до высот истинной трагедии. В нежнейшей, душу щемящей Офелии, посоловьиному спетой на одном дыхании, трепетало сердце, отданное любви, трагически большой для такого хрупкого существа.

Неизменно веря, что любовь тем сильнее и выше, чем богаче внутренний мир любящего, актриса умеет выразить через любовь всего человека — его личность, характер, идеалы, отношение к жизни и к людям.

В ее шедевре — Юдифи из «Уриеля Акосты» — характер девушки, воспитанной в духе покорности религиозным догматам и нормам поведения буржуазной семьи, обретал силу неповиновения, дух свободолюбия в любви к Уриелю, в сложном приобщении к его гуманистическим взглядам.

Чапековская Мать, трагедийно возвеличенная Анджапаридзе, поднималась по тяжким ступеням жизненной лестницы, обагренной кровью ее мужа и сыновей, поднималась от слепой, ни с чем не считающейся материнской любви к мучительному, но ясному познанию необходимости отдать последнее в борьбе за мир.

Даже чудовищное преступление Медеи по-своему очищалось актрисой страстным отвержением фальшивых догм и низменных побуждений во имя истинных чувств. Однако было в трагедии Медеи и нечто от возмездия ей самой за то, что ради любви к мужчине она пожертвовала чувством более высоким — любовью к родине. В этом сказалась бескомпромиссность актрисы в идейной и нравственной оценке противоречивых обстоятельств. Да, она примирялась с Клеопатрой, когда та уходила из жизни вслед за Антонием («Антоний и Клеопатра»), но не прощала ей ни женской слабости, ни политиканства, рисуя ее обольстительной, искусной в любви, но коварной и злой до исступления.

Насколько неприемлемы для Верико пассивная мысль, расслабленная воля, равнодушие, настолько же она нетерпима к мелодраматичности, сусальным чувствам, ложному пафосу. И там, где нет истины в роли, или в режиссерском замысле, или, наконец, в ее собственной концепции образа, там она терпит поражение, там постигает ее неудача, как это было с Дездемоной, когда актрисе навязали чуждое ей решение.

Но коль скоро счастливо сливаются замысел и воплощение, рождается такой шедевр, как образ Джавары в «Изгнаннике» Важа Пшавела. Редко видела сцена такое монументальное создание, в котором суровая величавость не затеняла сложнейшей противоречивой внутренней жизни. Многострадальная мать того, кто из мести сопернику в любви предал отчизну, Джавара — Анджапаридзе вырастала в символ Матери-Родины, сознательно шла на смерть во имя своего народа. Здесь происходило редкостное слияние возвышенной натуры сценической героини с героической сущностью самой актрисы, с ее высокой идейностью («Мы служим одному делу,— говорит она,— утверждать и славить самое передовое искусство, рожденное Великим Октябрем») и ярко выраженной национальной самобытностью.

У кинематографа есть поразительное свойство превращать долгое наблюдение за объектом в краткий миг волшебных изменений: на экране в одно мгновение умещается завязь, рост и пышная зрелость цветка. Так и у большого артиста: за краткий сценический час он воссоздает целую человеческую жизнь. Даря зрителю эстетическое наслаждение, он учит, как надо и не надо ему жить на земле.

Именно этого и достигает большая трагическая актриса Верико Анджапаридзе, грузинка по национальности, советский художник по убеждению, артистка мирового класса по справедливости.

В первый год нашего столетия прекрасный грузинский поэт и революционный демократ Акакий Церетели, взяв на руки маленькую дочь кутаисского нотариуса Ивлиана Анджапаридзе, сказал: «Ты должна прославить свою родину в новом веке, запомни это».

Сорок лет спустя замечательный советский режиссер Вл. И. Немирович-Данченко, увидев Верико Анджапаридзе в роли Маргариты Готье, говорил: «За две-три так сыгранные роли я бы ставил артисту памятник».

И сегодня советский зритель отдает дань уважения и любви прекрасной артистке Верико Ивлиановне Анджапаридзе.

Фото Э. Песова.

М. ЛЕВИН